

Источник публикации:

Карпюк, В. Ад по имени Штуттгоф [Электронный ресурс] / В. Карпюк // sb.by. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/ad-po-imeni-shtuttgof.html> . – Дата доступа : 27.01.2021.

Он стал могилой для тысяч ни в чем не повинных людей. Время, считается, способно залечить любые раны. Но то, что довелось увидеть и пережить мне, наверное, неподвластно никакому времени. Такое никогда не забывается и не излечивается. Оно не должно предаваться забвению. Особенно теперь, когда историю Великой Отечественной войны стараются переписать по-новому, когда в странах Западной Европы по улицам и площадям городов маршируют нацистские молодчики, а в Прибалтике чествуют бывших эсэсовцев как национальных героев. Прошло почти шестьдесят лет с 1945 года, а у меня по-прежнему в глазах черный дым печей крематория немецкого лагеря Штуттгоф. И никакое время не сотрет его из памяти. Вместе с этим дымом ушли в небытие мои боевые друзья-подпольщики. Нас выдал предатель. Мне тогда было двадцать лет. Как хотелось жить! Даже в тех невероятных условиях. В концлагерь нас, 71 человека, привезли из Белостокской тюрьмы. В живых к тому времени, о котором хочу рассказать, осталось всего шесть. Один из них — мой родной брат Алексей.

Мы с ним решили: чтобы выжить, надо бежать из этого ада. Но как? Строили разные планы. В 1943 году за побег из концлагерей был введен такой порядок. Если бежал (или пытался бежать) заключенный, а его родственник, тоже заключенный, знал и не сообщил об этом властям лагеря, его показательно казнили. У нас вешали. Если же выяснялось, что родственник ничего не знал о планируемом побеге, то он получал физические наказания – 100 палок, карцер. Надо было учитывать при планировании побега эти «положительные» изменения. Мы с Алексеем внесли коррективы в нашу лагерную жизнь на случай удачного побега одного из нас. Перешли жить в разные «штубы» барака. Старались на глаза друг другу не попадаться. Но убежать можно было только из аускоманды, т.е. из команды, работающей за пределами лагеря. Каждое воскресенье набиралась аускоманда на железнодорожную станцию для погрузочных работ. Она обычно состояла из 17 заключенных. Охраняли девять эсэсовцев, в том числе один офицер. Работа велась двумя группами заключенных по 8 человек в каждой. Одна трудится 30 минут, другая отдыхает. Мы с Лешей попали в разные группы. Работа затянулась допоздна. Включили прожекторы. Это нам было на пользу. Леша спустился с вагона между буферами и колесами и пополз плашмя в сторону паровоза за пределы видимости часовых, а там бегом наружу и через забор огорода. Собрались вместе две бригады. Офицер охраны пересчитывает заключенных. Не хватает одного. Сразу всех закрыли в вагоне. Вдруг открывается дверь, и эсэсовец по номеру 22585 вызывает меня. Хватают под руки и волокут в зал ожидания вокзала.

Смотрю – начальник лагеря гауптштурмфюрер СС Майер, рапортфюрер Хемниц и еще два офицера СС. Приводят женщину, которая сообщила, что через ее огород пробежал какой-то заключенный в полосатой одежде. Начальник лагеря дал команду догнать заключенного. «Леша погиб», — подумал я. Начался допрос. Один из офицеров надевает какие-то перчатки, а Майер спрашивает, брат ли я беглеца? Отвечаю: «Да». Пояснил, что был с братом в плохих отношениях и жил с ним врозь. Но это не устраивало их. Офицер ударил в лицо. Я не устоял на ногах. И тут же на меня градом посыпались удары. Потом снова допрос и избиение. Пришел в себя на полу в вагоне. И тут меня начали избивать уже заключенные. Они знали, что в этих случаях по законам лагеря получают после приезда по 10—15 палок каждый. Капо остановил их. Наконец прибыли в концлагерь. Меня сразу же потащили в допросный блок. Опять стали спрашивать, знал ли я о побеге брата? Я стоял на своем: «Не знал». Слышу команду: «Вешай!» Меня подтащили к виселице. «Последний раз спрашиваю!» — кричит Майер. — Куда сбежал твой брат?» Я ответить уже ничего не мог. До такой степени был избит. Вдруг слышу: «Сними!», а потом команду: «Всыпать пятьдесят палок!» Я насчитал одиннадцать ударов, потом потерял сознание. Пришел в себя от острой боли. На ощупь определил: кругом бетонные стены. Вдруг слышу шаги в коридоре. Открывают дверь, меня поднимают с пола и ставят на ноги. «Шагай вперед!» — кричит Хемниц и бьет сапогом. Мы пришли в лагерь, где проходит «апель». Все заключенные построены. Майер по громкоговорителю зачитывает: «Заключенному № 22585 за побег из лагеря его брата заключенного № 22584 всыпать 100 палок и отправить на штрафную работу на лагерный кирпичный завод». Меня схватили под руки и уложили на станок для битья, привязав шлеями... Резкая боль пронзила все тело, и я снова потерял сознание. Очнулся под стеной крайнего блока. Вокруг собрались заключенные. Все сочувствуют и поздравляют с успешным побегом моего брата Алекса. Уже прошло, оказывается, четверо с половиной суток, и его не поймали. Я воспрянул духом. Вдруг подходит капо команды «цыгеляй» (кирпичного завода) уголовник Меркер. Говорит: «Поедешь с моей колонной, по дороге тебя отведут в ревир». То есть в лагерную больницу. Через час я уже был в ревире. Побег для обреченных узников был радостной сенсацией. По этой причине меня в лагере называли тоже Алексом. В ревире был блок № 10, в котором заключенных умерщвляли уколами по указанию СС. Меня могли положить в этот блок. Но я оказался в блоке № 5. Блоковый врач сказал: «Ты, Алекс, будешь жить» и принес мне миску рафинированного молока, пайку хлеба. Назавтра меня повезли в операционную. Постепенно начали заживать раны, утихать боль. Примерно через три недели меня посетил в ревире знакомый заключенный – поляк, который хорошо знал Алекса. Спросил о состоянии здоровья, сунул под одеяло листок бумаги и ушел. Смотрю, это письмо от Леша. Он уже в белорусских лесах, в партизанах, не очень далеко от родной местности. Какая радость! После выписки из ревира меня отправили на кирпичный завод на каторжную работу. К тому времени стало ясно, что Гитлеру войны не выиграть. Осенью 1944 года нас стали пешком переправлять дальше на

Запад. Колоннами по 2000 заключенных. Я пристроился в самом начале транспорта. Колонну охраняли эсэсовцы с автоматами и собаками. Кто не смог идти в колонне, того пристреливали и сбрасывали в кювет. В это время я был очень слабым, весил всего 42 кг (взвешивался после побега). Идти в холодную осеннюю погоду было равноценно смерти. Одно спасение – бежать. Нас загнали на ночлег в большой пустой сарай. Поставили у ворот часовых, а остальные эсэсовцы ушли в дом бауэра отдыхать. Прикинули, если бежать — только утром, на рассвете. Так и договорились: выберемся через небольшое окошко с тыльной стороны сарая и бегом в ближайшие кусты. Уточню, договорились бежать вчетвером. Но утром никто не рискнул. И только когда я успешно спрыгнул и скрылся в ближайших кустах, один из заключенных тоже бросился за мной. Охранники это заметили и открыли по нему огонь из автоматов. Но Сашу пули не настигли. Вышли на дорогу. Сплошным потоком движутся машины, повозки. Поняли: идти можно только ночью. Питаться было нечем, в лесу холодно. Забрались в какой-то погреб, нашли там консервированные овощи да горошек в банках. Вышли к реке, вероятно, Висле. Но как перебраться на другой берег? Поздней ночью подошли к мосту. На подходе встретили часового — человека пожилого возраста. Увидев нас, перешел на другую сторону пути, как будто пропуская. Прошли успешно и второй пост. Психология часовых понятна: война закачивается, зачем рисковать жизнью? Тем более нас было двое, да умел ли часовой толком стрелять из своего карабина, тем более ночью? В прифронтной полосе идти было опасно. Могли проверить и расстрелять. Пристроились на повозку к одному этническому немцу из Клайпеды. Он возвращался со своей семьей на родину. Гитлеровцы уже бежали по всему фронту, потеряв всякую бдительность и воинственность. Благодаря этому мы успешно добрались до Нарвы, притока Вислы. Скоро нас освободила Красная армия. После тщательной проверки в «смерше» меня отправили на фронт. Повторюсь еще раз: минуло почти 60 лет с того жуткого времени. Но я никогда не забуду страшного ада, через который пришлось пройти мне и моим товарищам. Почти никого уже нет в живых. Весной 1944 года в концлагере Штуттгоф из-за эпидемии тифа, «успешного» ввода в эксплуатацию лагерной газкамеры, голода и повсеместных побоев заключенных скопились тысячи трупов, которые не в состоянии уже были сжечь кремационные печи, хотя работали круглосуточно. Могла вспыхнуть эпидемия. Гитлеровцы решили избавиться от трупов. Заставили узников рыть траншею шириной 2 м и глубиной 1,5 м. В нее ложили слой деревянных плашек, потом слой человеческих тел. Штабель обливали горючим и поджигали. Картина была страшная. Тела горели, как лучина. Вокруг аллеи стлался черный дым, стоял удушающий смрад. В лагере невозможно было находиться 3—4 дня. Люди ложились на пол, лезли в колодцы, ямы. Или такой факт. Зимой с 1943-го на 1944 год в отместку за свои неудачи на восточном фронте специально прибывшие эсэсовцы ночью устроили погром русских заключенных в лагере. Вытаскивали с нар и зверски убивали. Вакханалия продолжалась всю ночь, охрана лагеря не вмешивалась. Утром перед каждым блоком можно было видеть штабеля трупов. Меня в эту ночь, к счастью, не

тронули, спасло знание польского языка. И еще об одном эпизоде хотелось бы поведать читателям газеты. После неудавшегося восстания в Варшаве к нам в лагерь привезли большую группу пленных – молодых парней и девушек. Они шли по центральной улице, охраняемые автоматчиками с собаками. После отбоя нас загнали в бараки, а участников восстания повели в газовую камеру. Но когда колонна прошла первый пост и повернула вдоль ограждения, повстанцы неожиданно бросились бежать. Раздались очереди из автоматов и пулеметов на вышке. Люди бежали, падали, поднимались, кто мог, и снова падали, сраженные пулями. Вся территория была усеяна трупами. Не помню, сколько времени продолжался этот расстрел. Но после того как пальба утихла, еще раздавались отдельные выстрелы – эсэсовцы добивали раненых. Случайные пули не минули наш крайний барак. Погибло несколько заключенных. В том числе мой сосед по нарам из города Гдыни. Я не знаю точно, сколько тогда расстреляли повстанцев. Но, думаю, они не случайно бросились бежать. Предпочли умереть лицом к лицу с врагом, чем принять мучительную смерть в газовой камере. В заключение хочу сказать: мой брат Алекс – Алексей Никифорович Карпюк, впоследствии был командиром партизанского отряда имени Калиновского, а после войны он стал известным белорусским писателем. Я после войны окончил институт, живу в городе Гродно. Занимался возрождением в республике энергетической отрасли. В завершение своих воспоминаний хотелось бы привести известные слова Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!» Убежден, они не утратили своей остроты и значимости спустя много десятилетий.